

*ТАГАРОВА Татьяна Бороевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры бурятской филологии Иркутского государственного университета. Автор 115 научных публикаций, в т. ч. 12 учебных пособий, двух монографий, трех словарей**

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА: ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена анализу бурятских сравнительных конструкций в лингвокультурологическом, стилистическом и коннотативном аспектах. Актуальность темы связана с тем, что сравнительные конструкции в бурятском языкознании в указанных аспектах еще не рассматривались. Между тем эти языковые единицы отличаются выразительностью, образностью, способностью выражать специфичность языковой картины мира, передавать процесс познания мира носителями бурятского языка. В работе раскрываются семантический план и образно-экспрессивная функция фразеологических единиц, образованных на основе сравнения, сравнения-метафоры. В качестве материала для анализа выступают произведения бурятских писателя Д. Батожабая (1921–1977) и поэта Д. Улзытуева (1936–1972). В результате анализа выявлены положительно-оценочные и отрицательно-оценочные сравнения в прозе Д. Батожабая и поэзии Д. Улзытуева. Сравнительные конструкции отличаются яркой образностью, национальной специфичностью языковой картины мира. При этом и устойчивые, и индивидуально-авторские сравнительные конструкции демонстрируют своеобразие национального видения мира. Так, к специфике языковой картины мира бурят можно отнести те сравнительные конструкции, что включают в себя фольклорные, эпические образы, топонимы, образы домашних и диких животных, к которым сформировано определенное оценочное отношение кочевников. Это, например, отрицательно-оценочные образы кошки, собаки, козы, свиньи, петуха, змеи и т. д. Кроме того, выделены образы природы, связанные с той или иной оценкой со стороны человека (в частности при передаче психологического состояния): персонаж в подавленном настроении сравнивает природу со свинцом, т. е. передает отрицательное отношение к свинцу, его цвету. Положительно-оценочные образы, в свою очередь, ассоциируются с ощущением душевого подъема человека, чувством счастья и любви.

Ключевые слова: бурятский язык, Д. Батожабай, Д. Улзытуев, сравнительная конструкция, метафора, метафора-сравнение, положительно-оценочная сравнительная конструкция, отрицательно-оценочная сравнительная конструкция.

*Адрес: 664025, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 8; e-mail: boroevna@yandex.ru

Для цитирования: Тагарова Т.Б. Образ человека в сравнительных конструкциях бурятского языка: эмоционально-оценочный аспект // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 5. С. 92–102. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.5.92

Человек в языковой картине мира постоянно сравнивается с другим человеком или зверями и птицами, неодушевленными предметами, при этом выражается оценка людей, высказывающих одобрение/неодобрение какими-либо качествами.

Цель данной статьи – выявить сравнительные конструкции художественного стиля бурятского языка в эмоционально-оценочном аспекте. Изучение сравнительных конструкций проводится на материале прозы Даширабдана Батожабая (1921–1977) и поэзии Дондока Улзытуева (1936–1972) – одних из самых талантливых бурятских авторов.

Чтобы понять семантику сравнения, требуется знание собственно бурятских реалий, народного эпоса, классики, культуры и т. д., т. е. фоновые, или пресуппозициональные, знания.

По мнению В.Н. Телия, коннотация как составная часть семантики языковой единицы, где сконцентрированы этимологические знания, определенный набор образных и других ассоциаций субъективного и объективного характера, а также экспрессивный, стилистический микрокомпоненты, регулирующие синтагматику и парадигматику языковой единицы, правила ее функционирования в речи, неразрывно связана с пресуппозицией, благодаря которой языковой факт становится мотивированным, предсказуемым [1, с. 97]. Иными словами, понятия «пресуппозиция» и «коннотация» связаны между собой. Ибо в значении экспрессивной единицы, будь то единица лексического или фразеологического уровня, существуют два совершенно отличных друг от друга вида информации: «сведения о реальном мире»; «сведения об отношении субъекта речи к миру», т. е. об эмотивно-оценочной реакции на его субъективное восприятие [1, с. 69].

Поскольку оценочность – один из обязательных компонентов семантической структуры экспрессивного сравнения, приведем авторитетное мнение В.Н. Телия: «Сама оценка имеет разные аспекты – утилитарные, гедонистические,

морально-нравственные и тому подобное, т. е. реестр этих аспектов зависит от того, какую ценность усматривает субъект в объекте. Процедура оценивания – это мнение о ценности, ценность является предметом интереса, а интерес – это то, что нас волнует» [2, с. 109]. Экспрессивные сравнения могут иметь в своем значении и нефиксированную оценку, т. е. менять ее в зависимости от эмпатии говорящего/слушающего. Оценка может быть положительной, если говорящий/слушающий относится к носителю признака с симпатией; отрицательной, если говорящий/слушающий относится к нему без симпатии [2, с. 106].

Теоретическое осмысление устойчивых сравнений в отечественной лингвистике началось в 60-е годы XX века. В.В. Виноградов был одним из первых, кто обратил на них внимание как на особый тип фразеологических конструкций, в которых внутренняя условность фразы зависит от традиционной национальной характеристичности образа, его испытанной меткости, бытового реализма и экспрессивности [3, с. 15].

Мы следуем устоявшемуся определению сравнения в языкознании: это «фигура речи, состоящая в уподоблении одного предмета другому, у которого предполагается наличие признака общего с первым»¹.

Выявлено, что существуют сравнения свободные (индивидуально-авторские) и устойчивые (традиционные, стереотипные, эталонные). Их различие обуславливается традиционностью (или нетрадиционностью) образа, лежащего в основе сравнения.

Вслед за Л.И. Захаровой и рядом других исследователей устойчивым сравнением мы будем считать «относительно устойчивое, экспрессивное словосочетание с компаративной семантикой, обладающее при компонентной раздельнооформленности целостным или частично переосмысленным значением [4, с. 4].

Также справедливо мнение М.И. Черемисиной: «Сравнение понимается в специальной литературе как особая структура мысли;

¹Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. С. 450.

ее специфика состоит в одновременном присутствии в сознании двух сопоставляемых представлений, которые сближаются на основании какого-то общего для них признака и одновременно противопоставляются по каким-то другим основаниям, разным для разных типов сравнений» [5, с. 256]. Сравнение, подчеркивает исследователь, – это «конструкция, некоторая общая схема построения сложного знака, который несет в себе компаративную функцию независимо от внешнего окружения» [5, с. 4, 16].

Исходя из сказанного, под сравнением следует понимать конструкцию, выражающую сравнительный смысл безотносительно к лексическому наполнению. Компонентами полной сравнительной конструкции, по мнению М.И. Черемисиной, выступают слово, сочетание слов или предикативная единица. Первый компонент представляет собой тот предмет, то событие, состояние или признак, с которым сравнивается что-то другое. Он – главный в конструкции и называется *эталоном сравнения*; второй компонент, ради которого привлекается эталон сравнения, называется *предметом сравнения*. Третий компонент, без которого сравнение не является сравнением, называется *показателем сравнения*. В этой роли могут выступать морфема (бур. – *дал*), служебное слово, иногда – знаменательное слово, выражающее значение подобия (бур. послелог *шэнги, мэтэ* ‘подобно’, ‘словно’, ‘как’ и др., называемые также «уподобительными словами»). Стоит обратить внимание на послелог (бур. *дахуул үгэ* – букв. «следующее за другим слово»), соответствующий русскому предлогу.

Л.Д. Шагдаров, характеризуя семантику и структуру послелогов, дает следующее их определение: служебная часть речи, которая предназначена для выражения разнообразных отношений между двумя знаменательными словами в словосочетании и предложении [6, с. 172]. Ц. Цыдыпов подчеркивает, что послелог выполняет функцию, близкую падежному окончанию [7, с. 120–121]. О послелогох *шэнги, адли, мэтэ* ‘подобно, словно, как’; *орходоо* ‘по сравнению с чем-либо или кем-либо’

исследователь, в частности, пишет, что они показывают сравнительные отношения [7, с. 123]. Ц. Цыдыпов выделяет всего 9 видов отношений (пространственные, временные, причинные и др.), выражаемые 38 послелогоми.

Бурятский язык – агглютинативный по строю, относится к группе монгольских языков, и с этим связано положение послелогов в словосочетании (за знаменательным словом, после него), подобно тому, как располагаются аффиксы в словоформе (после корня), а основа не изменяется. Имя прилагательное, играющее важную роль в образовании сравнительной конструкции бурятского языка, считается, как и наречие, неизменяемой частью речи, но при этом может субстантивироваться и приобретать черты имени существительного, т. е. способность изменять форму. При выражении же сравнительной и превосходной степени остается в начальной форме: *гэрхээ томо* ‘больше дома’; *тон* (или *эгээл*) *гоё* ‘самый красивый’ и т. д.

В бурятском языке нет некоторых форм сравнения, присущих русскому языку, например, таких как сравнительные конструкции, образованные при помощи существительного в тв. п.: «губы сердечком» = сущ. в им. п. + сущ. в тв. п., что соответствует бур. *зүрхэнэй түхэлтэй урал* = сущ. в род. п. + сущ. в совместном п. + сущ. в им. п. (букв. «сердца с формой губы»); сравнительных конструкций из прилагательных в форме сравнительной степени при существительных в род. п.: «белее снега» = прилагательное в сравнительной степени + сущ. в род. п., что соответствует бур. *саһанһаа сагаан* = сущ. в исходном п. + прилагательное в начальной форме (букв. «из снега белый»); сложных прилагательных, содержащих элементы «подобный», «образный»: «лунообразное лицо» = сложно-составное прилагательное + сущ. в им. п., что соответствует бур. *һара шэнги нюур* = сущ. в им. п. – эталон сравнения + уподобительное слово или служебная часть речи-послелог + сущ. в им. п. – предмет сравнения (букв. «луна как/подобно лицо»); наречий, образованных от притяжательных прилагательных с формантом «по-»: «по-лисы

хитер» = наречие + краткое качественное прилагательное, что соответствует бур. *үнэгэн шэнги мэхэтэй* = сущ. в им. п. – эталон сравнения + уподобительное слово или послелог + качественное прилагательное, образованное от сущ. в совместном п.; и т. д.

В монголоведении много работ посвящено изучению сравнения в структурно-типологическом и семантико-функциональном аспектах, в то время как исследований в когнитивном, лингвокультурном и прагматическом аспектах ведется мало.

В бурятоведении сравнения в художественных произведениях конкретных авторов как один из образных приемов речи рассмотрены в монографиях Д.Д. Санжиной (1991) [8], Т.Б. Дугаржаповой (1993), Т.Б. Тагаровой (2008, 2012) [9, 10] и др., сравнения как синтаксические конструкции, схемы или модели построения сравнительных фраз, создаваемых в речи, раскрыты в работах Ц.Ц. Бальжинмаевой (2002), Е.К. Скрибник и Н.Б. Даржаевой (2016). Так, последние поддерживают мнение М.И. Черемисиной и Л.А. Шаминой: «Сравнение понимается в специальной литературе как особая структура мысли; ее специфика состоит в одновременном присутствии в сознании двух сопоставляемых представлений, которые сближаются на основании какого-то общего для них признака и одновременно противопоставляются по каким-то другим основаниям, разным для разных типов сравнений» [11, с. 256].

Данная тема интересна тем, что в семантике сравнения отражается специфическое национальное и общечеловеческое, универсальное видение мира. Так, в бурятском языке выделяется ряд типичных, или устойчивых, сравнений человека: *hara naran шэнги* ‘как луна и солнце’ – «красивая (о женщине)»; *hургааг шэнги* ‘как шест’ – «длинный и худой»; *гахай шэнги* ‘как свинья’ – «толстый»; *танха шэнги* ‘как чугунная бочка’ – «толстый, тяжеловесный» и т. д.

В художественном стиле сравнительные конструкции имеют яркую коннотативную характеристику: например, отражают психофизиологическое состояние человека, где эталоном сравнения выступают действия животных. При этом выделяются **отрицательно-оценочные сравнительные конструкции**.

Психологическая подавленность человека ассоциируется с таким состоянием, которое вызывается действиями или состоянием животных. Например, в калькированной с русского языка фразеологической единице: *зурхыень мисгэйн маажажа байхандал* ≈ кошки скребут (за душу) (букв. «словно кошка царапает сердце»); синонимичная единица бур. *досоо долоон нохой үхөө* (букв. «внутри семь собак умерли»); *уһа шудхалан зумбараан шэнги* ≈ мокрая курица (букв. «словно мышшь, залитая водой»); *баянай һабар мисгэйн хүл мэтэ үзэгдэбэ*. – букв. «лапа богача показала лапкой кошки»².

В данной конструкции предмет сравнения обозначен словосочетанием *баянай һабар* (букв. «богача лапа»), где определяемое слово *һабар* ‘лапа’ употреблено в переносном значении. Эталон сравнения представлен словосочетанием *мисгэйн хүл*, а показатель сравнения – послелогом *мэтэ*. Модуль сравнения выражен глаголом *үзэгдэбэ* ‘показалась’, соответствующим сказуемому. Здесь «лапа человека» уподобляется «лапке кошки», что дает больший эффект экспрессивного воздействия на читателя.

Насмешливое отношение к человеку, имеющему неряшливый и в то же время взбудораженный вид, выражено в сравнительной конструкции *ямаа эрьюулһэн тэхэ шэнги* (букв. «козу закруживший козел как»).

Ощущение озноба от внезапного сильного страха, волнения, возбуждения и т. п. ассоциируется с движением муравьев: *Нюрга руунь хүйтэ даажа, хэдэн зуугаад шоргоолзоной арбагашалдаһандал, уусаарнь гэжэгэнүүлжэ захалба*³ – *Повеяло в спину холодом, казалось,*

²Батожабай Д.О. Төөригдэһэн хуби заяан. Улаан-Үдэ: Бурядай номой хэблэл, 1959–1966. Здесь и далее представлен перевод автора данной статьи.

³Там же.

что сотни муравьев, шевеля лапками, начали щекотать внизу спины (ощущение, похожее на движение муравьев по спине, по аналогии с рус. «мурашки бегают по коже»).

Образ петуха, звуки, издаваемые им, берутся за основу сравнения со смехом глуповатого человека, что способствует выполнению сравнительной конструкцией функции иронии, на-смешки: *Тээд нэгэ бага толгой соогоо ухатай Илиодор, <...> шүлхэндөө сасажа байгаад, эрэ тахяагай бархирһандал адляар, ута наринаар энэжэ захалаа хэн⁴ – Немного придурковатый Илиодор, <...> захлебываясь в собственной слюне, начал тоненько и долго смеяться, напоминая кукареканье петуха.*

Отрицательно-оценочный характер имеют и сравнительные конструкции: *Һогтуу хүндэл адли, шүдээ хабиржа, нюдээ сагаанаараа хараһан Ван Түмэрэй⁵ – словно пьяный человек, скрипя зубами, с белыми глазами Ван Түмэр.*

В следующем примере (*Жалмын досоо жаргал гашуудал хоёр хара сагаан могойнууд боложо хадхалдана⁶ – У Жалмы внутри счастье и горе кусали друг друга, как черная и белая змея*) вместо уподобительного слова автор употребляет вспомогательный глагол в форме деепричастия *боложо* ‘становясь’, и тем самым более выпукло вырисовываются образы змей, олицетворяющих сумятицу в душе героини. Ср. рус. «запутанный клубок» – ‘что-либо неразрешимое, запутанное, сложное’. Отметим, что в русском языке слово «серпентарий» употребляется в значении ‘коллектив из людей с отношениями взаимной недоброжелательности, нетерпимости, ненависти’. Таким образом, змея воплощает в себе угрозу для жизни, а змеи-антагонисты, по представлению автора, кусают друг друга. В данном

случае опущение послелого приводит к образованию метафоры.

Душевную печаль лирического героя поэт Д. Улзытуев передает через образы природы, приобретшие свинцовый цвет, образы импрессионистского типа. Здесь свинец – эталон сравнения, а психологическое состояние – предмет сравнения: *Харин энэ үглөө / Байгалайм долги туулган мэтэ. / Хаанаһааб даа, / тэрэ аяар гүнзэгьһөө / харалган һалхинда туулган, / туулган мэтэ / хара хүхэ долги...⁷ – А этим утром волны Байкала моего, как свинец. Откуда-то, из самой глубины, гонимые черным ветром, словно свинец, черно-синие волны...*

Это же сравнение повторяется далее, создавая настроение безысходности: *Тээд энэ үглөө / Байгалайм долги туулган мэтэ. / Вагоной сонхо шэрбэһэн / бороогой дуһалнууд – туулган мэтэ. / Хүлээдээгүй ерэн таамаг мэдэрэл – / туулган мэтэ. / Хүхэльбэ арюун суутай / Эхэ ороноймни тэнгэри – туулган мэтэ⁸ – А сегодня утром волны Байкала – словно свинец. Капли дождя на окне вагона – словно свинец. Чувство случайное нежданное – словно свинец. Славное голубое чистое небо Родины моей – словно свинец.*

Психологические переживания лирического героя передаются через сравнение с неприятной ситуацией нахождения в необычном месте (что и есть эталон сравнения):

Золтой мэтэ сэдхэлни / Зобоһон юундэ янзатай? <...> баруун зүгэй байгаалин / Бахатай һайхан мэтэи һаа, / <...> Сэгээн ягаан галнуудайнь, / Сэнгүү мэтэи байгаа һаа, / <...> Хүнэй хүбүү баатарай / хүшөө дээрэ зогсоһондли. / Хүлзөөд ерэн дайсадай / Хүүр дээрэ зогсоһондли. / Хатуу шэрүүн байлдаанай / Харгы дээрэ байһандли. / Халуун амяар сорьёһон / Шулуун дээрэ байһандли⁹ – Почему душа моя,

⁴Фразеологический словарь бурятского языка / сост. Т.Б. Тагарова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. С. 340.

⁵Там же. С. 239.

⁶Там же. С. 398.

⁷Улзытуев Д.А. Ая гангын орон. Улаан-Үдэ: Буряадай номой хэблэл, 1974. С. 62.

⁸Там же. С. 66–67.

⁹Там же. С. 80.

вроде бы счастливая, будто страдает? Хотя природа запада как будто прекрасна, восторг вызывает, хотя светлые розовые ее огни словно привольны. Словно стою на памятнике богатыря, сына человеческого. Словно стою на могиле врага свирепого. Словно стою на пути суровой жестокой битвы. Словно стою на камне, пылушем жаром;

Сэдьхэлдэи хогоосон мэтэ болоодхихо, / сэсэгэй хангал дуталдаһан мэтэ болоодхихо, / сэбэр басагад һонигүйдэл үзэгдэхэ, / сэсэн нүхэдиһи хуурмаг мэтээр һанагдаха¹⁰ – На душе станет словно пусто, аромата цветов как будто не хватит, красивые девушки покажутся как будто неинтересными, мудрые друзья твои покажутся как будто коварными; и др.

В приведенных примерах представлены сравнения будущего упаднического состояния души человека, депрессии с ситуацией, когда все плохо и весь мир показывается с худшей стороны. Эта ирреальная ситуация выступает эталоном сравнения.

Человек может быть охарактеризован совершенно неожиданным образом – грубо-фамильярным, эпатажирующим выражением, например: *нюуртаа шабааһа (шабар) няаһан (түрхихэн)* – ‘бесстыжий’ (букв. «на лицо навоз (глину) прилепивший (намазавший)»); синонимично этому выражение *нюуртаа нохойн даахи ургуулһан* (букв. «на лице собачью свалывшуюся шерсть вырастивший»), а также *нюуртаа үһэтэй* (букв. «на лице с волосами») и т. п. Указанные сравнительные конструкции становятся метафорами из-за опущения служебных уподобительных слов. Следовательно, роль послелогов достаточно велика в данных случаях – их отсутствие превращает один вид тропа в другой. В сравнениях-метафорах устанавливаются неожиданные – иррациональные – отношения между двумя понятиями. Так создается особая художественная реальность.

Вышеприведенные сравнительные конструкции в большинстве своем являются национально-

специфичными, однако встречаются и универсальные, общие для разных языков сравнительные единицы, описывающие поведение человека; например, тождественными по смыслу оказываются следующие бурятские и русские сравнительные конструкции (переводы бурятских сравнений соответствуют русским): бур. *уһа балгаһан юм шэнги* ≈ словно воды в рот набрал; *тэнгэриһээ бууһан мэтэ* ≈ словно с неба свалился; *гэнжэһээ алдуурһан нохой шэнги* ≈ словно с цепи сорвался (букв. «словно с цепи сорвавшаяся собака») и т. д. Здесь нужно отметить смысловую эквивалентность: со структурно-грамматической стороны имеются некоторые расхождения, вызванные различием в морфологическом строе данных разносистемных языков. Так, в сравнительных конструкциях порядок слов не равнозначен; в бурятском языке послелог/уподобительное слово *шэнги, мэтэ* ‘словно, будто’ является служебным, находится после знаменательного слова; русскому глаголу изъявительного наклонения прошедшего времени соответствует бурятское причастие прошедшего времени; падежные формы существительных в двух языках не совпадают.

Положительно-оценочные сравнительные конструкции в бурятском языке также могут быть устойчивыми, они связаны с выражением хорошего настроения, душевного подъема человека, чувством счастья, любви и т. д.: *дали ургаһан мэтэ* ≈ словно крылья выросли; *досоо наран гараһан шэнги* ≈ на душе светло (букв. «словно солнце внутри взошло»); синонимично и выражение – *нара ногоо татаһан мэтэ* (букв. «словно солнце зелень притянуло») и т. д.

Фразеологическая единица *нюдэндөө галтай* ‘с огоньком в глазах’ преобразуется следующим образом: *нюдэдтэ зулын гал носошоһон мэтэ баяр ерэжэ* – словно зажегся огонек в глазах от радости; *тэрэнэй нюдэндэ улаан гал сахилхал дал гээд¹¹* – в его глазах будто красный огонек

¹⁰Улзытуев Д.А. Указ. соч. С. 69

¹¹Фразеологический словарь бурятского языка. С. 235

сверкнул. Универсальный образ огня связывается с эмоциональным подъемом, жизненной энергией человека.

В следующих примерах сравнение выполняет функцию распространителя фразеологической единицы, усиливая семантику контекста: *Хэтынгээ ерээдүйе хараһандал зугаасажа ябахандаа, / Шүрэ һубһа мэтээр хойно хойноһоон үлхэжэ, / Шүлэгэй мүрнүүдые зүрхэн дээрээ ургуулагша / бэлэйбди*¹² – *Когда гуляли мы, словно в будущее вечности заглядывая, как бусины коралла нанизывая одну за другой, на сердце своем взращивали строки стихов; Тэнюун нэгэ үглөөгүүр / Тэдэ хоёр эбтээ орон, / Тэнгэри газар хоёртол, / Тэбэрилдэхэн лабтай лэ*¹³ – *Однажды утром спокойным те двое, помирившись, словно небо и земля, обнимаются крепко; һүни бүрил / шини мийэрэл / һүүдэр мэтээр / даганал намай*¹⁴ – *каждую ночь твоя улыбка, словно тень, следует за мной; ханаан бодолойм орьёлдо / һаруул мүшэн шэнгээр, / Ухаан бодолойм оёрто / Ургы сэсэг мэтэр, / <...> дууданалии*¹⁵ – *как светлая звезда на вершине моих дум, как цветок подснежника на дне моего разума, зовешь...*

Отрицательные качества человека сравниваются с неодушевленными предметами, при этом сравнительные конструкции являются авторскими: *Шатанхай модоной түгсэг шэнги үжэнхэй хара шүдэнүүдын ирзайлдажа*¹⁶ – *Скалится гнилыми черными зубами, похожими на пни сгоревшего дерева...*;

*Тэргэ дээрэхи обогор улаан тээбэриин оройдо хүрин бүмбэгэ шэнги үһэгүй толгой харагдаба*¹⁷ – *На телеге, на груди красного груза,*

показалась безволосая голова, словно коричневый мяч.

Сравнивая голову героя с мячом (эталоном), автор хотел показать несоответствие головы огромной массе тела Бүхэ-ламы. Эта сатирическая зарисовка построена на гиперболе: *обогор улаан тээбэри* (букв. «груда красного груза»). В указанном примере упоминается ламское одеяние красного цвета, надетое на очень большое тело. И здесь стоит пояснить, что автор отрицательно относился к данному сословию.

В поэтическом тексте положительно-оценочные сравнительные конструкции выражают высокие чувства: любовь к женщине, восторг перед женской красотой, уважение к мужчине, старшему брату, печаль от осознания ничтожности человека перед космосом и т. д.:

*Урасхал долгин үһееш / Ушармаар гансаи эльбээгүй*¹⁸ – *Текущие волны, волосы твои, ни разу не погладил...* Здесь сравнительная конструкция (в роли определения) стоит перед определяемым словом, послелог *шэнги* или *мэтэ* опущен, эталон – «текущие волны» – представляет живописную картину;

*Гүрэмэл хоёр гээгэшини, Гүнсэмаа, / Гүн талын дуун шэнгил, Гүнсэмаа!*¹⁹ – *Твои косы, Гунсэма, подобны раздольной степной песне!*;

*Ганса түрэн ахамни, / Хада мэтэ түшэгни, / Уула мэтэ тулгамни*²⁰ – *Единственный мой старший брат, опора моя, подобная сопке, опора моя, подобная горе...*

Твердость духа сравнивается с кремнием: *хүбүүдын / Сахюур шулуунһаа хатуу лэ*²¹ – *юноши тверже кремния.*

¹²Улзытуев Д.А. Указ. соч. С. 159.

¹³Там же. С. 233.

¹⁴Там же. С. 259.

¹⁵Там же. С. 110.

¹⁶Батожабай Д.О. Указ. соч. С. 134.

¹⁷Там же.

¹⁸Улзытуев Д.А. Указ. соч. С. 54.

¹⁹Там же. С. 184.

²⁰Там же. С. 45.

²¹Там же. С. 90.

Эталон может быть выражен образами зверей, птиц, растений: *Амарагни! / Нюдэниши – ногоони хайхан нюдэн бэлэйл... – Любимая моя! Глаза твои – прекрасны, как глаза изюбрихи...; Уралиши – улир мэтэ аад, дуугай үсэд бэлэйл – Губы твои подобны диким яблочкам и молчаливы, упрямые; Нидхэши – ниидэхээ забдаһан хараасгайдал бэлэй²² – Брови твои, как ласточки, собирающиеся взлететь. А также Нугаһан мэтэ сээжэтэй, / Нугархай уян бээтэй...²³ – С грудью, как у утки, с гибким пластичным телом... Отметим положительную национальную окраску данных сравнений – в русском переводе они звучат не так поэтично и органично.*

И, наконец, сам человек, его особенности могут быть эталоном сравнения. **Предметы, явления природы, абстрактные понятия сравниваются с человеком, чертами его поведения, действиями:**

Эхын альгандал / энэрхы дулаан лэ буряад хэлэмнай²⁴ – Словно ладони матери, нежный и теплый бурятский язык наш;

Орой дээрэхэмни тонгойлдон, / юушьеб шэбэнэһэн мэтээр / Ордон ехэ үргөөнүүд / гал нюдөөр эмнилдээ²⁵ – Над макушкой моей склоняюсь, словно что-то шепча, большие дворцы мигают огненными глазами. Здесь наблюдается ирреальное сравнение: шепот – речевая деятельность, присущая человеку, – приписывается дворцам. Таким образом создается особая художественная реальность;

Ульгэр туужын орон мэтэл баран тойроод, / үбгэн Жэбжээндэл бүхын һуунал үндэр Хайрхан²⁶ – Словно страна сказочная окружила, как старик Жэбжээн сидит, склонившись, высокая Хайрхан (гора);

Наймадахи хоногтоо тэнгэри аалин сэлмэжэ, / Найматай хүүгэндли зэмэтэй сэнхир нюдөөр / Тала дайдая танижа ядаһандал шэртэжэ, / Табхарай энгэртэ манан хүнжэл заһана²⁷ – На восьмые сутки небо тихо прояснилось, как восьмилетний ребенок виноватыми голубыми глазами оглядывает степи, словно с трудом узнавая, расстилает одеяло из тумана на южном склоне Табхара. Ясное небо сравнивается с ребенком: первому приписывается способность стелить одеяло, наблюдать за степью, а Табхар – гора на родине поэта;

Баатар эрын сээжэдэл бараан шаргал дайда²⁸ – Словно грудь богатыря, темно-рыжая степь; Байгалай уһандал / арюун тунгалаг, / Басаганай михэрэлдэл / урин налагай / буряад хэлэмнай²⁹ – Как вода Байкала, чист и прозрачен, как улыбка девичья, приветлив и нежен бурятский язык наш.

Таким образом, авторские сравнительные конструкции Д. Улзытуева наиболее яркие, оригинальны в описаниях природы малой родины. Индивидуальность его поэзии придают образы из бурятского фольклора, образ степи (территории проживания бурят), образ Байкала и т. д.

Устойчивые сравнения можно отнести к числу языковых универсалий, т. к. они обнаруживаются практически в любом языке и строятся по единой модели (*гахай шэнги* ‘как свинья’ – «толстый»). В то же время система устойчивых сравнений уникальна в каждом языке, поскольку отражает национальное мировидение и миропонимание носителей языка в описании человека, как, например, в бурятском языке: *түрөөгүй эхэнэр түмэр шэнги* ‘не рожавшая женщина подобна железу’.

²²Улзытуев Д.А. Указ. соч. С. 71.

²³Там же. С. 199.

²⁴Там же. С. 270–271.

²⁵Там же. С. 260.

²⁶Там же. С. 38.

²⁷Там же.

²⁸Там же. С. 8.

²⁹Там же. С. 270.

Сравнение выступает способом более широкого видения мира, вызывая определенное настроение образными картинками, иллюстрируя сложные идеи.

В языке поэзии функционируют в основном сравнительные конструкции высокого стиля, характеризующие образы прекрасного: образы женщин, природы, тонкие возвышенные чувства – любовь к девушке, печаль от разлуки, воспоминаний юности и т. д. В языке прозы встречаются преимущественно отрицательно-оценочные сравнительные конструкции. Следовательно, коннотативная окраска сравнительных конструкций взаимосвязана с жанровой спецификой.

Сравнения в функциональном плане могут быть эмоционально-оценочными, передавая положительную и отрицательную оценку, воздействуя на чувства говорящего и слушающего.

Так, сравнения со свинцом (*туулган*), железом (*түмэр*), стеклом (*шэл*), пылью (*тооһон*), пнем (*түгсүүл*) – отрицательно-оценочны. Сравнения с прозрачной водой, улыбкой девушки, крыльями ласточки, ягодой дикой яблони, родником, черемухой, эпическим богатырем – положительно-оценочны, экспрессивны, устойчивы и отражают национальную специфику языковой картины мира. Поэтические сравнения ярче всего передают национальную специфику видения конкретного предмета, явления.

Обзор малой части сравнительных конструкций из произведений бурятских авторов показывает, что в монгольских языках данные языковые единицы требуют дальнейшего изучения в образно-экспрессивной функции и лингвокультурологическом плане в целом ввиду яркой национальной специфики.

Список литературы

1. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / отв. ред. А.А. Уфимцева. М.: Наука, 1986. 141 с.
2. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Яз. рус. культуры, 1996. 285 с.
3. *Виноградов В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: АН СССР, 1963. 251 с.
4. *Захарова Л.И.* Типология экспрессивных сравнений в современной газетной публицистике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000.
5. *Черемисина М.И.* Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск: Наука, 1976. 272 с.
6. *Шагдаров Л.Д.* Проблемы новой академической грамматики бурятского языка (имя существительное, имя прилагательное, наречие, послелог, модальные слова, слова категории состояния, изобразительные слова). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 192 с.
7. *Цыдыпов Ц.Ц.* Буряад хэлэнэй морфологи = Морфология бурятского языка. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1988. 192 с.
8. *Санжина Д.Д.* Язык бурятских исторических романов. Улан-Удэ: БНЦ СО АН СССР, 1991. 131 с.
9. *Тагарова Т.Б.* Концептуально-прагматическая характеристика фразеологических единиц бурятской художественной прозы. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2008. 341 с.
10. *Тагарова Т.Б.* Виды экспрессивности в бурятской художественной речи (на материале фразеологических единиц) // Гуманит. вектор. 2012. № 5(29). С. 218–224.
11. *Скрибник Е.К., Даржаева Н.Б.* Грамматика бурятского языка. Синтаксис сложного (полипредикативного) предложения. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. Т. 1. 315 с.

References

1. Teliya V.N. *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinits* [Connotative Aspect of Nominative Units Semantics]. Moscow, 1986. 141 p.
2. Teliya V.N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects]. Moscow, 1996. 285 p.
3. Vinogradov V.V. *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika* [Stylistics. The Theory of Poetic Language. Poetics]. Moscow, 1963. 251 p.
4. Zakharova L.I. *Tipologiya ekspressivnykh sravneniy v sovremennoy gazetnoy publitsistike* [Typology of Expressive Comparisons in Modern Newspaper Journalism]. St. Petersburg, 2000.
5. Cheremisina M.I. *Sravnitel'nye konstruksii russkogo yazyka* [Comparative Structures in the Russian Language]. Novosibirsk, 1976. 272 p.
6. Shagdarov L.D. *Problemy novoy akademicheskoy grammatiki buryatskogo yazyka (imya sushchestvitel'noe, imya prilagatel'noe, narechie, poslelogi, modal'nye slova, slova kategorii sostoyaniya, izobrazitel'nye slova)* [Problems of the New Academic Grammar of the Buryat Language (Noun, Adjective, Adverb, Postpositions, Modal Words, State Words, Figurative Words)]. Ulan-Ude, 2013. 192 p.
7. Tsydypov Ts.Ts. *Buryaad kheleney morfologi = Morfologiya buryatskogo yazyka* [Morphology of the Buryat Language]. Ulan-Ude, 1988. 192 p.
8. Sanzhina D.D. *Yazyk buryatskikh istoricheskikh romanov* [The Language of Buryat Historical Novels]. Ulan-Ude, 1991. 131 p.
9. Tagarova T.B. *Kontseptual'no-pragmaticheskaya kharakteristika frazeologicheskikh edinits buryatskoy khudozhestvennoy prozy* [Conceptual and Pragmatic Characteristics of Phraseological Units of Buryat Fiction]. Irkutsk, 2008. 341 p.
10. Tagarova T.B. *Vidy ekspressivnosti v buryatskoy khudozhestvennoy rechi (na materiale frazeologicheskikh edinits)* [The Forms of Expressiveness of Phraseological Units in the Buryat Artistic Language]. *Gumanitarnyy vektor*, 2012, no. 5, pp. 218–224.
11. Skribnik E.K., Darzhaeva N.B. *Grammatika buryatskogo yazyka. Sintaksis slozhnogo (polipredikativnogo) predlozheniya* [Grammar of the Buryat Language. Syntax of a Complex (Polypredicative) Sentence]. Ulan-Ude, 2016. Vol. 1. 315 p.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.5.92

Tat'yana B. Tagarova

Irkutsk State University;
ul. Lenina 8, Irkutsk, 664025, Russian Federation;
e-mail: boroevna@yandex.ru

THE IMAGE OF MAN IN COMPARATIVE STRUCTURES OF THE BURYAT LANGUAGE: EMOTIONAL-EVALUATIVE ASPECT

This article analyses Buryat comparative structures in the linguocultural, stylistic and connotative aspects, which has never been done before. These language units are expressive, figurative, and able to convey the specificity of the linguistic worldview and the process of world cognition by the native speakers

For citation: Tagarova T.B. The Image of Man in Comparative Structures of the Buryat Language: Emotional-Evaluative Aspect. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 5, pp. 92–102. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.5.92

of the Buryat language. The paper dwells on the semantic plane and figurative-expressive function of phraseological units formed on the basis of comparison or metaphoric comparison. The author turned to the works by the Buryat writer D. Batozhabay (1921–1977) and poet D. Ulzytuyev (1936–1972). The analysis revealed positive and negative evaluative comparisons of man in their works. Comparative structures are distinguished by vivid imagery and national uniqueness of a linguistic worldview. Both stable and author's comparative structures demonstrate the originality of the national worldview. Thus, comparative structures including folklore and epic images, as well as toponyms and images of domestic and wild animals, toward which nomads have formed a certain attitude, can be attributed to the specificity of the Buryat linguistic worldview. These are, for example, negative evaluative images of a cat, a dog, a goat, a pig, a cock, a snake, and others. In addition, images of nature associated with evaluation (in particular when rendering a psychological state) are highlighted: in a depressed mood, a person compares nature with lead, that is, conveys a negative attitude towards lead, its colour. Positive evaluative images, in their turn, are associated with the state of elation, a feeling of happiness and love.

Keywords: *Buryat language, D. Batozhabay, D. Ulzytuyev, comparative structure, metaphor, metaphoric comparison, positive evaluative comparative structure, negative evaluative comparative structure.*

Поступила: 03.11.2017

Принята: 29.05.2018

Received: 3 November 2017

Accepted: 29 May 2018